

Издательская новинка

Битва за интернационализм

Из предисловия к готовящейся к изданию книге “La guerra di Gaza. Una risposta internazionalista”.

Есть ещё три аспекта битвы за интернационализм [в войнах на Большом Среднем Востоке], которые требуют рассмотрения. Первый касается силы класса. По сравнению с 1967 годом число наёмных работников в регионе Северной Африки и Среднего Востока от Марокко до Ирана, включая Турцию, выросло с 20 до 120 миллионов человек, что составляет две трети трудоспособного населения, причём четверть из них относится к промышленному пролетариату. В нефтемонархиях Персидского залива это сочетается с массовой иммиграцией из Индии и Азии, часто образующей абсолютное большинство рабочей силы. Отсюда становится ясно, что единство столь обширного пролетариата в Северной Африке и на Среднем Востоке может быть обеспечено только на основе интернационализма; также очевидно, какую силу он мог бы обрести, если бы был организован и ориентирован на революционную стратегию.

В 1967 году Арриго Черветто отверг возражение, что соотношение сил будто бы не благоприятствует пролетариату на Среднем Востоке. Наёмные работники уже составляли значительную часть занятого населения, имелась *«значительная масса пролетаризированных крестьян»*; однако в любом случае ленинистская стратегия не могла опираться только на средневосточный пролетариат, а требовала опоры на *«революционную борьбу европейского [...] пролетариата»*. Только интернационалистская борьба, но никак не *«интервенционизм»*¹ в поддержку различных социал-национальных мифов Насера и арабской буржуазии, могла закрепить эту классовую стратегию в Европе.

Полвека спустя 120 миллионов пролетариев на южных берегах Средиземного моря – в шесть раз больше, чем в 1967 году – могли бы рассчитывать на 200 миллионов товарищей по классу в Европе, если бы только их могла скоординировать коммунистическая стратегия. Конечно, здесь чувствуется отсталость мировой партии, отсутствие Интернационала, основанного на классовом принципе, но ещё большее значение имеет целый век неудач в осуществлении национального принципа, с бездарной политикой буржуазии, ослабленной нефтяной рентой, неспособной достичь какого-либо регионального взаимопонимания и опустившейся до поддержки самых чудовищных видов фанатизма.

Второй вопрос, нуждающийся в новом освещении – это отношения между арабской и палестинской буржуазией. Комментируя трагическое поражение ООП в Ливане в 1982 году, преследуемой Израилем и брошенной арабскими странами, Черветто отметил, что эта организация являлась *«разнородной совокупностью десятков организаций, постоянно враждующих между собой, иногда с применением оружия»*², и представляла собой *«дополнение к военным группировкам, связанным с различными отрядами арабской буржуазии (от саудовской до иракской), которые финансируют эти формирования»*³. Более того, только палестинцы на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа, находящиеся под израильской оккупацией, имели стабильные поселения с социальной стратификацией, где *«частнособственническая буржуазия»* одной рукой оказывала влияние на определённые течения в ООП, а другой – экономически сотрудничала с израильской буржуазией *«на быстро растущем»*⁴ рынке, несмотря на перманентное состояние войны.

Сам Ясир Арафат, как сообщают палестинские историки, признавал, что различные организации, объединившиеся в ООП, являлись частью *«конфликта арабской нации»* и были *«связаны с арабскими странами»*, поэтому противостояние с ними означало бы противостояние с этими странами; постоянно колеблясь между различными влияниями, Ясир Арафат пытался достичь независимости, очевидно иллюзорной.

Эдвард Саид, один из крупнейших палестинских интеллектуалов, называл палестинцев *«жертвами жертв»* из-за исключительного их положения, когда миллионы людей оказались в изгнании или в лагерях беженцев под властью государства Израиль, которое само несло на себе отпечаток веков антисемитских погромов и ужасов Холокоста. Тот же Саид в одном из текстов 1978 года утверждает, что палестинская диаспора представляет собой одну из *«региональных элит»* Среднего Востока, часть *«верхушки арабской буржуазии»*, которая занимает *«ключевые посты в бюрократии или в нефтяной промышленности»* или

выполняет *«консультативные функции в сфере экономики или образования в различных арабских правительствах»*.

Сегодня к этому следует добавить следующее: зависимость палестинской буржуазии за рубежом от различных слоёв арабской буржуазии была её первородным грехом; она показала хрупкость ООП, когда те крохи нефтяных доходов, которые предназначались для неё, были перенаправлены на исламистские течения, а в игру включилось в том числе иранское влияние. Переломным моментом стала первая война в Персидском заливе в 1991 году, когда арабские державы встали на сторону Вашингтона, а ООП осталась в стороне, поддерживая Саддама Хусейна. Именно тогда и был дан решающий толчок движению ХАМАС, которое позже было поощрено теми же правительствами израильских правых, которые увидели в этом возможность расколоть палестинский фронт, продолжая тем временем колонизацию Западного берега. Вот почему израильская буржуазия также должна быть причислена к неудачникам, выполняя роль ученика чародея по отношению к ХАМАС, которая опрокинула Тель-Авив 7 октября, а зверская ярость возмездия в Газе, в эпоху социальных и телевизионных убийств, навсегда запятнала её репутацию.

Результатом медленной аннексии Западного берега стало ослабление ПНА, Палестинской национальной администрации, в то время как Газа оказалась в руках ХАМАС. Это ознаменовало банкротство старой светской и социал-национальной матрицы палестинского представительства, зеркальное отражение политического провала тех израильских течений, которые сохраняли приверженность формуле «два народа – два государства». Также это определило разделение будущих перспектив Палестины по двум линиям влияния: Тегерана, который стремится к статусу ядерной державы, и Эр-Рияда, который пытается сравняться с ним через соглашения Авраама с Израилем. Не может быть более трагического и издевательского финала для палестинцев, чем принести 40.000 жертв израильской расправы во имя ядерных амбиций иранских мулл, имея в качестве альтернативы неравный компромисс с самим Израилем в тени саудовской нефтемонархии.

В текущих обстоятельствах трудно сказать, какая судьба может постигнуть Пекинскую декларацию, в которой четырнадцать организаций, включая ФАТХ и ХАМАС, признают ООП в качестве *«единственного законного представителя»* палестинцев; несомненно лишь то, что Китай подтверждает свою роль в регионе, о которой он уже заявил, предприняв попытку посредничества между Ираном и Саудовской Аравией.

Наконец, третий вопрос касается перспектив интернационализма. В 1985 году, размышляя над *«принципом классово-борьбы»*⁵ в решении национального вопроса, Черветто писал, что ленинистская партия, придерживающаяся этого принципа, не может быть затянута на *«социал-империалистические позиции»* посредством приводного ремня национального вопроса: она может оказаться *«в крайней изоляции»*, но не может *«выродиться»*⁶.

Это состояние *«крайней изоляции»* описывает реальность, с которой сегодня в Израиле и арабском мире приходится сталкиваться линии арабо-израильского классового единства. В этом нет ничего нового: даже позиции профсоюзного единства в 1920-х годах вызвали противодействие, а зачастую и физическую ликвидацию, как в еврейском, так и в арабо-палестинском лагере. Более того, так происходило на протяжении всей истории с каждым интернационалистским меньшинством, которое сталкивалось с фанатизмом, поднятым военной мобилизацией: большевики были загнаны в подполье или были вынуждены уехать за границу, в них видели агентов Германии – и лишь потом та же война разрушила консенсус внутри страны и в окопах и открыла путь революционному пораженчеству.

И всё же за эти полвека появились более широкие возможности для утверждения классово-позиции, для воссоздания интернационалистской стратегии, хотя и на узком и труднопроходимом пути. Давайте обратимся к этому вопросу, начав с другой статьи Черветто, опубликованной в 1986 году, об *«отравленных семенах средиземноморской политики»*. Одним из *«отравленных семян»*⁷ был терроризм, который из быстро развивающегося Среднего Востока, являвшегося *«раскалённым очагом войн»* и *«хаотической кузницей бомб и бомбистов»*⁸, перекинулся в итальянские и европейские города. Другим отравленным семенем стали условия труда иммигрантов, с низкой заработной платой и *«без какой-либо защиты»*; итальянская метрополия черпала *«новый источник прибавочной стоимости из средиземноморского бассейна»*, что усиливало *«уровень её*

империалистической зрелости и предоставляет возможность подкупа её “рабочей аристократии”»⁹.

В последние десятилетия тот же прогресс капиталистического развития, крестьянского распада и демографического роста, который в шесть раз умножил пролетариат на южных берегах Средиземного моря, периферии европейского империализма, привёл десятки миллионов мигрантов в крупные города Старого континента. Само собой разумеется, что уже один этот факт делает интернационалистскую борьбу в Европе необходимой; противостояние ядам национализма, которые проникают в многонациональный пролетариат, сопровождается борьбой против любого расизма и любой дискриминации.

Конечно, подавляющая часть иммиграции в настоящее время участвует в европейской стратификации заработной платы и в конечном итоге растворяется в метаболизме социального движения, поэтому вопросы классовой обороны теперь преобладают над различиями по происхождению мигрантов. Однако столь обширный резерв иммигрантской рабочей силы, которому суждено расширяться, в определённой степени позволяет рассматривать Европу в качестве периферии средневосточных конфликтов. Правящий класс обсуждает это с изрядной дозой лицемерия и цинизма. После 7 октября Генри Киссинджер заявил в эфире *Welt TV*, что *«было большой ошибкой привозить столько людей с совершенно разными концептуальными, культурными и религиозными взглядами, потому что это создаёт группы влияния внутри каждой страны»*. В условиях, когда буржуазия не может обойтись без иммиграции, но вынуждена успокаивать стареющее и напуганное общественное мнение, предлогов для ненавистнической дискриминации и ксенофобских кампаний становится всё больше: вспомните подозрения в отношении французов с двойным гражданством или споры в Германии по поводу нового права на гражданство, которое ускоряет натурализацию.

Но это же присутствие десятков миллионов иммигрантов с южных берегов Средиземного моря, с приходом молодёжи второго и третьего поколений, может стать прорывом для интернационалистской борьбы. Если пространство для действий коммунистического меньшинства в клубке средневосточных конфликтов ограничено *«крайней изоляцией»*, то возможности для разъяснения и укрепления интернационализма в европейской периферии гораздо шире.

Ленинисты больше не являются той небольшой группой, которая в 1967 году стремилась отстаивать интернационалистские позиции. Каждый год тысячи молодых людей имеют возможность познакомиться с принципами революционного марксизма; среди многих из них, кто происходит из среды иммигрантов, – а их доля постоянно растёт – есть те, для кого интернационализм становится решением, почти откровением, перед лицом вековой истории провалов разновидностей средневосточного национализма. Это же касается и молодых евреев, арабов, арабов-израильтян, иранцев и прочих, приехавших в Европу на учёбу в то время, когда конфликт возвращает призраки антисемитизма на Старый континент. Освобождённые от атмосферы фанатизма священной войны и в некоторой степени защищённые от тупой жестокости репрессий, они могут познакомиться с марксизмом и интернационализмом; вот почему молодёжь рабочих кружков ведёт свою борьбу в университетах и отказывается от бойкота университетов Израиля, как и любой другой страны.

Это подтверждают и страницы истории революционного движения, которые следует прочитать. Первый Интернационал, начиная с Маркса и Энгельса, подпитывался европейской иммиграцией и политическими беженцами в Лондоне. В начале 1920-х годов целые секции Третьего Интернационала, прежде чем быть поглощёнными или уничтоженными сталинизмом, были набраны из молодых людей, приехавших в Париж, Лондон или Берлин со всего мира на учёбу или работу.

Таков практический путь, который открылся спустя полвека политических сражений с тех шести дней 1967 года. Мы не знаем, какие войны кризиса порядка потрясут следующее десятилетие и в какой степени. Безусловно, перед многими молодыми людьми и многими пролетариями в Европе и во всём мире встанут фундаментальные вопросы о будущем варварства, которое это общество готовит новым поколениям. Речь идёт о том, чтобы укоренить ленинизм в Европе и через Европу, среди молодёжи и пролетариев Европы и всех слоёв общества.

¹ – Черветто А. Унитарный империализм: в 2 т. Киров: Марксистская наука, 2005. Т. 2. С. 258.

² – Черветто А. Всемирное противостояние. СПб.: АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2019. С. 168.

³ - Там же. С. 172.

⁴ - Там же. С. 171.

⁵ - Реакционный терроризм, империалистический европеизм, коммунистический интернационализм. АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2018. С. 135.

⁶ - Там же. С. 136.

⁷ - Там же. С. 140.

⁸ - Там же. С. 141.

⁹ - Там же. С. 140.